

4. Ірванець О. Загальний аналіз : збірник /О. Ірванець. – Харків : Фоліо, 2010. – 219 с.
5. Олександр Васильєв розкритикував гламурних жінок [Електронний ресурс] // Promatronu. – Електрон. дані. – Режим доступу : <http://promatronu.ru/rizne/golovne/4063-oleksandr-vasilev-rozkritikovav-glamurnih-zhinok.html>. – Назва з екрана. – Дата перегляду: 10.04.2016.
6. Осадча К. Бачу ціль – не бачу перешкод [Електронний ресурс] / К. Осадча // Pan та pani. – Електрон. дані. – Режим доступу : <http://pan-ta-pani.com/52674-katya-osadcha-bachu-cil-ne-bachu-pereshkod.html>. – Назва з екрана. – Дата перегляду : 22.03.2016.
7. Потебня А. Эстетика и поэтика / А. Потебня. – М. : Искусство, 1976. – 613 с.
8. Роздобудько І. Одного разу / І. Роздобудько. – Харків : Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2014. – 210 с.
9. Словник української мови : в 11-ти т. / І. Білодід. – К. : Наукова думка, 1970 – 1980.
10. Шеремет Г. Чи існує таке поняття, як українська богема? [Електронний ресурс] / Г. Шеремет // День. – Електрон. дані. – Режим доступу : <http://day.kyiv.ua/uk/article/panorama-dnya/chi-isnuie-take-ponyattya-yak-ukrayinska-bogema>. – Назва з екрана. – Дата перегляду : 14.04.2016.

УДК 811.161.1'42

В. В. Мальцева

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Чужое слово чуждого мира: проблематизация власти дискурса в романе Виктора Пелевина «Т»

Мальцева В. В. Чужое слово чуждого мира: проблематизация власти дискурса в романе Виктора Пелевина «Т». Стаття присвячено проблемі влади дискурсу в романі В. О. Пелевіна «Т», що проявляється у конструюванні розщепленої, багатовимірної свідомості героя, підпорядкованої чужим дискурсивним форматам демиургів-крейторів. Аналіз твору виявив, що сучасна проза є простором полідискурсивності (зіткнення та взаємодії різних дискурсивних форматів, серед яких неможливо виокремити дискурс-донор та дискурс-реципієнт). Окремою формою реалізації полідискурсивності є метадискурсивність (дискурс про дискурс), що має прояв у роздумах персонажу щодо творців. Рефлексія над словом дозволяє герою надбати самосвідомість та позбутися влади чужого дискурсу.
Ключові слова: дискурс, полідискурсивність, метадискурсивність, дивід, постмодернізм.

Мальцева В. В. Чужое слово чуждого мира: проблематизация власти дискурса в романе Виктора Пелевина «Т». Данная статья посвящена проблеме власти дискурса в романе В. О. Пелевина «Т», которая проявляется в конструировании расщепленного, многомерного сознания героя, подчиненного чужим дискурсивным форматам демиургов-крейторов. Анализ произведения показал, что современная проза является пространством полидискурсивности (столкновения и взаимодействия различных дискурсивных форматов, среди которых невозможно выделить дискурс-донор и дискурс-реципиент). Отдельной формой реализации полидискурсивности является метадискурсивность (дискурс о дискурсе), которая находит отражение в размышлениях персонажа о его творцах. Рефлексия над словом позволяет герою обрести самосознание и избавиться от власти чужого дискурса.
Ключевые слова: дискурс, полидискурсивность, метадискурсивность, дивид, постмодернизм.

Maltseva V. Stranger word of an another's world: the problem of the power of discourse in Plevin's novel "T". Present article deals with the study of the power of discourse, which means consciousness' dependence on some ideological discourse structures. We have found that world perception and self-awareness of the character are constructed by demiurges, creators of postmodern literary fiction. Postmodern study represents a mosaic picture of the world and gives a blend of contexts and discourses, but the most prevalent and pervasive forms of institutionalized speech are religious, philisophical, criminal and ordinary that is related to the conception of the book. Every creator transmits his own ideological meanings in a rigid orderly system of modern writing. The analysis showed that postmodern prose is a sphere of poly-discursivity, which is expressed mainly through impact and interaction of several different discourses, among which it is impossible to single out the discourse-donor and discourse-recipient. Meta-discursivity is shown in its relation to the poly-discursivity. It is said that reflection over the utterance gives the possibility to get rid from the authority of someone's discourse. Much attention is given to problem of mosaic picture of the world in its connection with the divided person's consciousness.
Key-words: discourse, poly-discursivity, meta-discoursivity, human identity, postmodern.

Факт существования взаимосвязи между речью и мышлением человека давно стал общим местом в работах, посвященных вопросам психологии и психолингвистики, и не подлежит сомнению. В философии постмодернизма акценты несколько сместились: так, например, в работах М. Фуко, Ш. Муфф и Э. Лакло говорится о том, что язык конституирует сознание индивида. Той же концепции, кстати, придерживаются и последователи социального конструкционизма, которые также полагают, что язык, взятый в своем социально-историческом контексте, дает человеку возможность тем или иным образом структурировать, познавать мир [9:215]. Представляется, что организующая роль языка находит отражение не только в непосредственной коммуникации, но и в текстах художественной литературы, которые направлены, в первую очередь, на репрезентацию сознания читателя, активно содействующего творению новой фикциональной реальности. Художественный мир при этом многомерен и не ограничен рамками, т. е. гомогенен современному адресату, коммуникативная практика которого состоит из открытого ряда различных социальных ролей и соответствующего числа дискурсов.

Во многих своих произведениях Виктор Пелевин проблематизирует влияние дискурсивных практик на мировоззрение и самоидентификацию человека (романы «Empire “V”», «Священная книга оборотня», «Generation “P”», «Т», рассказы «Греческий вариант», «СССР Тайшоу Чжуань» и проч.). Наиболее показательным в этом аспекте, на наш взгляд, является роман «Т», в котором тема власти дискурса выдвигается на первый план.

Объектом исследования данной работы послужил роман В. О. Пелевина «Т», **предметом** изучения стал феномен власти дискурса в этом произведении. **Актуальность статьи** обусловлена возможностью нового взгляда на социально-значимую проблему власти чужого слова над сознанием каждого человека, которая эксплицируется в творчестве В. Пелевина. **Задача** исследования заключается в выявлении полидискурсивной природы мышления современного человека. Власть дискурса рассматривается с позиции критического дискурс-анализа, поскольку данная методология позволяет достичь следующих **целей**: определить роль различных дискурсивных практик в текстовом пространстве, обозначить возможные способы избавления от насаждаемых извне чужих дискурсивных формаций, проследить за особенностями функционирования полидискурсивности в романном пространстве.

Многие исследователи пелевинского творчества уделяют особое внимание стилистике автора. Так, А. Генис указывает на то, что Пелевин

говорит о «высших истинах в разных стилевых регистрах» [1:91]. Представляется, что речь идет не столько о различных стилях, сколько о столкновении нескольких дискурсивных форматов, поскольку изменение манеры повествования приводит к трансформациям в мировосприятии и репрезентации героя. Под дискурсом мы понимаем надындивидуальную языковую деятельность, в которой находит отражение особая ментальность и идеология. Дискурсивный формат коррелирует с той или иной областью социальной практики, а также задает параметры для познания и коммуникации [12:14].

Изменение самоидентификации Т. можно проследить на примере разворачивания борьбы дискурсов за гегемонию в рамках религиозного дискурс-строя (совокупности всех дискурсивных форматов, используемых в определенной области общественной коммуникации [11:126]). Данный дискурс-строй широко репрезентирован в романе: это православно-христианский дискурс, дискурс дзен-буддизма, скопческий дискурс и толстовский дискурс, который включает в себя понятия ненасилия, всеобщего труда, прощения, а также предполагает отказ от мифологизации христианства и стремление к синтезу всех верований на моральной основе. О религиозной направленности первоначального замысла романа о Льве Толстом говорит герою редактор Ариэль Брахман, отмечая, что цель, к достижению которой стремится граф Т., *меняется в зависимости от пожеланий заказчиков* [8:364]. Произведение, которое задумывалось как духовный путь Л. Н. Толстого и его возвращение в лоно церкви, превращается в пасквиль на христианство, поскольку архимандрит Пантелеймон не проплатил *возвращение блудного сына* [8:111].

В начале романа граф Т. предстает в роли молодого священника отца Паисия, который транслирует христианский дискурс со свойственными ему базовыми концептами церкви, смерти, ада: *смерть вне лоно церкви, пока над ним довлеет анафема, – это верная дорога в геенну!* [8:13]. Весьма показательно то, как герой меняет свою ипостась: он избавляется от вещественных атрибутов, которые инсценируют православно-христианскую дискурсивную формацию (клубука и рясы), лишаясь при этом имени, статуса и возможности транслировать православный дискурс: *Сброшенная ряса медленно уплыла в подводную мглу, и на поверхность реки вынырнул уже не отец Паисий, а граф Т.* [8:15]. Из вышесказанного следует, что воссоздание дискурса не ограничено лишь языковой практикой, а включает в себя объекты внеязыковой действительности, которые также могут нести в себе дискурсивное значение.

Из-за отказа архимандрита Пантелеймона от

оплаты писатели стремятся извратить те смыслы, которые уже были воплощены в книге: *наши специалисты по черному пиару нанесут их бренду колоссальный имиджевый и метафизический урон на самом фундаментальном уровне* [8:111]. Этим мотивировано то, что христианско-православный дискурс обесценивается, дискредитируется и заменяется на сектанский (например, Т. попадает под влияние скопческого дискурса и хочет побелиться малой печатью (иными словами, кастрировать себя) [8:87], чтобы уберечься от греха) или оккультный (инсценирующий появление божества-гермафродита с кошачьей головой, во имя которого совершаются все преступления). Появление дискурсов травелога и детектива связано с изменением общей концепции романа: *Маркетологи сразу объявили, что эту туфту про каючегося Толстого мы никому не продадим. <> Давайте сделаем нормальный триллер с элементами ретродетектива* [8:108].

Дискурсивные форматы, в рамках которых приходится мыслить и действовать главному герою графу Т., наслаиваются и видоизменяются, тем самым создавая явление **полидискурсивности**. Сосуществование дискурсов и переключение их кодов позволяет автору представить их «остраненно». Так, детективный жанр, соседствуя с религиозным и философским дискурсами, переосмысливается в ключе постмодернистской мысли: персонаж ищет не убийцу, а читателя, и находит его в себе.

В постмодерной философии полидискурсивность обретает особое значение: она проявляется в смешении пространственно-временных координат, нарушении линейности повествования, что, в свою очередь, дает основание говорить о романе «Т» как об антибахтинском романе (термин Б. Ланина), реализует принцип нониерархии, способствует созданию языковой игры и освобождает от власти дискурса. Отдать предпочтение какой-либо дискурсии – значит попасть во власть ее идеологии.

Представляется, что именно смешение дискурсов позволяет исследователям творчества В. Пелевина говорить о полиморфной природе его персонажей [10:212]. Полидискурсивность характеризуется невозможностью четко разграничить дискурсивные форматы на дискурс-донор и дискурс-реципиент. Такое дискурсивное «равноправие», продиктованное постмодернистским принципом нонселекции, позволяет каждому дискурсу претендовать на гегемонию, реализовывать свои властные свойства.

Любой дискурсивный формат стремится установить границы для познавательной и коммуникативной деятельности субъекта речи и тем самым вытеснить иные дискурсивные высказывания, содержательно и идеологически не

соответствующие общей теме, за свои пределы [12:80]. В «Т» данный феномен получил отражение в концепции текстопроизводства: роман пишут пять криэйтеров, каждый из которых занимает по отношению к тексту определенную дискурсивную позицию, закрытую для других писателей: *романы обычно пишутся бригадами специалистов, каждый из которых отвечает за отдельный аспект повествования. А затем сиштые вместе куски причесывает редактор, чтобы они не смотрелись разнородно* [8:97]. Так, Митенька Бершадский транслирует эротику и гламур, Гриша Овнюк проявляет себя, когда герой перестреливается с преследователями, прыгает с моста в реку, Гоша Пиворылов, берет на себя психоделический контент, безымянный Метафизик создает поток сознания, а Ариэль Эдмундович Брахман играет роль редактора.

Данный коммерческий проект является метафорой, поводом для осознания природы процессуальности жизни каждого человека: *Можете утешиться тем, что любой живой человек ничем от вас не отличается... Каждый человек в любую секунду жизни создается временным балансом могуществ... Единого автора нет ни у кого из нас* [8:98]. Пресуппозиция подобного высказывания заключается в полидискурсивной природе сознания человека, выражающейся в способности личности играть различные дискурсивные роли, если того потребует жизненный контекст, и интериоризировать идеологемы, которые присущи тому или иному дискурсивному формату. При таком рассмотрении сознание главного героя романа (впрочем, как и сознание современного человека) можно представить как анонимный текст, который складывается из готовых схем, выработанных обществом в ходе коммуникативной деятельности, прекопструктов, значимых понятий и прецедентных имен, составляющих смысловое ядро дискурса. Человек оказывается объектом манипуляции, осуществляемой с помощью дискурсии: *вот если вам, к примеру, захотелось Аксинью – разве можно сказать, что это ваш собственный каприз? Просто Митенька заступил на вахту. Ну а если мне захотелось взять кредит под 12% годовых и купить на него восьмую «мазду»... – разве это моя прихоть? Разница исключительно в том, что вас имеет один Митенька, а меня – сразу десять жуликов из трех контор по промыванию мозгов* [8:190]. Человек при этом перестает быть субъектом собственных мыслей и желаний. Объективация превращает личность в **дивида** – фрагментированного, лишённого целостности человека Новейшего времени [3:76]. Этот принцип в полной мере выражает современную культурную ситуацию, которая представляет собой, по мнению А. Моля,

мозаїку, разобщенные отрывки, связанные случайными отношениями [6:45]. Творимая дивидом культура предопределена мозаичностью мышления и калейдоскопичностью восприятия окружающего мира, что, в свою очередь, ведет к формированию дробной структуры знания как такового. Соответственно, построение текстов также осуществляется в технике мозаичности [5:34] и находит отражение в полидискурсивности.

Зачастую соседство дискурсов выливается в их конкуренцию, борьбу за гегемонию, что проявляется в изменении смысла определенных понятий на прямо противоположные. Власть дискурса, понимаемого как система ограничений (ментальных, методологических, содержательных и лингвистических границ), накладываемых на высказывания, направлена на создание условий для распространения своей идеологии в виде различных текстов. Дивид может оказать сопротивление власти одного дискурсивного формата, приняв на себя роль транслятора другого дискурса, функционирующего по тому же «принципу подавления чужого» [12:79–80; 92]. Стремление дискурса детектива расширить свое влияние проявляется в полном изменении значения у одного из ключевых понятий религиозно-философской доктрины, которой следует граф Т., – непотворения злу насиліем. Морально-этическое учение о недопустимости воздаяния злом за зло превращается в восточный боевой прием, который основан на *обращении силы и веса атакующего противника против него самого... именно это борьба и называется непотворением злу насиліем* [8:12-13].

Порою противостояние дискурсов эксплицируется: так, Ариэль рассказывает своему персонажу о первоначальном замысле, по которому княгиня Тараканова, с которой Т. встречается на барже, должна была соблазнить графа, но *Гриша Овнюк ее раньше замочил* [8:109], Митенька не успел дописать свой фрагмент. В дальнейшем роль княгини переосмысливается: она предстает как сектантка, которая должна была принести Т. в жертву божественному гермафродиту. В реалистическом отрывке Тараканова осмысливается с позиций обыденного дискурсивного формата и выступает в качестве подруги Софьи Андреевны, жены Льва Николаевича. Таким образом каждый персонаж романа обретает несколько ипостасей, коррелирующих с той или иной дискурсией.

По В. Пелевину, эту расщепленность можно преодолеть, если стать свободным от манипулятивных стратегий чужого дискурса, т. е. обрести авторство. Функция автора-творца в данном романе тесно связана не только с порождением, но и с прочтением текста. Герой, чтобы освободиться от навязываемых смыслов,

должен был делить себя на книгу и ее читателя [8:226]. Обнаружение позиции читателя сопряжено с появлением метадискурсивного плана. Под метадискурсивностью мы понимаем взаимосвязь конкретного дискурсивного высказывания с другими дискурсами, выступающими по отношению к нему в качестве метаязыка и предлагающими авторское толкование (будь то пояснение, интерпретация или оценка) особенностей его организации [7:213]. Метадискурсивность является одним из способов реализации полидискурсивности.

Метадискурс проявляется в размышлениях Т. о том, кто из криэйторов в данный момент работает над созданием его мыслей и чувств. Герой классифицирует их на основании ментальных моделей, понимание которых ему дал главный редактор Ариэль. Например, писатель Митенька всегда транслирует эротический дискурс: *Она была в самом расцвете юности – и так ослепительно хороша, что Т. проводил ее долгим взглядом. «Митенька, – сразу же напомнил он себе, – это Митенька работает. Хорошо, не сплю...»* [8:349], *Т. почувствовал, как екнуло в груди сердце. Вот и Митенька подрулил. Хорошо хоть, узнаю сразу. Ясности взгляда не потерял* [8:308]. Гриша Овнюк, отвечающий за приключенческую составляющую романа (дискурс травелога), проявляет себя в том, что *всегда по колено в крови бредет; на нем только мочилово* [8:346;112].

Как правило, переключение дискурсивных форматов для самого субъекта речи носит закономерный, ситуативно обусловленный характер, потому протекает незаметно. Когда граф Т. учится читать интенции творцов, видит чужой почерк, он осознает себя как самость, целостность, в которую насильственно вторгается инородный Другой: *Следует постоянно напоминать себе, что я – не Ариэль, и не Митенька. И тем более не этот Ливорьлов* [8:300]. Став читателем чужих дискурсов, он принимает роль творца, который конституирует не только ту реальность, которая уже была кем-то создана, но и возможные, потенциальные, параллельные реальности. Редактор Брахман в таком случае оказывается в уязвимой позиции, поскольку он полностью находится во власти чужих дискурсов.

Однако творение своего Слова не знаменует появления истинной, подлинной реальности, поскольку, как представляется, миромоделирование не может обойтись без той или иной дискурсивной практики, так как всякое познание опосредовано дискурсией. Следует оговорить то, что в пелевинских текстах нет разделения на истинные и иллюзорные реальности; степень достоверности не является основанием для того, чтобы отдать предпочтение одному из миров, поскольку все они симулятивны. Окружающая действительность

доступна нам в готовом, отрефлектированном виде: она отражает взгляды тех социальных групп, которые участвуют в процессе становления человека как личности. В. Пелевин в одном из интервью сказал, что «реальность – это любая галлюцинация, в которую вы верите на сто процентов. А видимость – это любая реальность, в которой вы опознали галлюцинацию» [2].

Итак, герой, желающий обрести свое слово, вновь оказывается в плену готовых смыслов, поскольку все, что ему понятно и известно, сконструировано кем-то Другим, обладающим той или иной социальной дискурсивной практикой. Об этом свидетельствует финал романа: в нем появляются те же реалии, что были «дарованы» Т. его творцами: телега, которая каждый раз встречалась персонажу в необходимый момент (ср. *Однако, какой-то слишком удобный и вежливый мужик, – думал Т., засыпая. – Слово он последние десять лет каждый день выезжает на дорогу в надежде подобрать барина* [8:186]); говорящая лошадь, созданная *торчком* Гошей Пиворыловым; рыжий кот, в морде которого Т. узнал редактора Ариэля и т. д.

Метадискурсивность, которая заключается во взгляде субъекта речи на свое высказывание с иной дискурсивной позиции, является характерной чертой всего литературного творчества В. Пелевина. Рефлексия над словом призвана освободить от власти дискурса, однако такое освобождение также оборачивается всего лишь очередной симуляцией. Полного освобождения можно достичь, если поставить в тексте точку: *Приближается граница, после которой... В общем, раз автор теперь вы, надо решить, где будет последняя обзорная точка* [8:411]. Высказывание, которым завершается повествование, – *любые слова будут глупостью, сном и ошибкой* [8:411] – снимает релевантность противостояния дискурсивных форматов, борющихся за статус истинных и доминантных, а также разрушает авторский миф о графе Т.

Изложенный материал позволяет прийти к следующим **выводам**:

1. Роман В. Пелевина «Т» представляет собой

поликодовое текстовое пространство. В произведении поднимается вопрос о влиянии дискурсивных форматов на самоидентификацию персонажей и способ освоения ими окружающего мира. При переключении дискурсов меняется мотивировка перипетий романа.

2. В романе эксплицируется зависимость между доминантным положением тех или иных дискурсов и их ситуативной востребованностью. Среди гегемонных дискурсивных форматов оказываются религиозный (поскольку роман изначально задумывался как произведение о духовном пути Льва Толстого, а затем превратился в пасквиль на христианство), философский (бытует мнение о том, что В. Пелевин пишет философские романы), криминальный (эта дискурсия транслируется Ариэлем, который является посредником в мире российского бизнеса), а также дискурс травелога (что связано с детективно-приключенческой составляющей произведения).

3. Борьба за освобождение от чужого дискурса заключается в переключении, постоянной смене дискурсивных форматов, т. е. в полидискурсивности. Отдать предпочтение какому-либо дискурсу – значит попасть во власть его идеологии. Метадискурсивность, которая проявляется в размышлениях над текстом, дает возможность человеку обнаружить себя в мире, однако полное освобождение от чужого слова порождает только молчание или пустота, которую сам В. Пелевин пропагандирует из романа в роман (ср. «Чапаев и Пустота»).

4. Техника введения дискурсов в ткань повествования, отображающая тему «жизнь героя как проект», акцентирует внимание читателя на проблеме соотношения цивилизации и культуры. В. Пелевин демонстрирует победу цивилизации над культурой, т. е. превращение «естественной» полидискурсивности, отражающей процессуальность жизни в ее многообразии, в коммерческую технологию. Таким образом, автор ставит вопрос о перспективах жизни современного ему общества, выход которого из цивилизационной ловушки заключается в рефлексии над чужим словом и обретении самосознания.

Литература

1. Генис А. Иван Петрович умер : статьи и расследования / Александр Генис. – М. : НЛО, 1999. – 336 с.
2. «Вдали от комплексных идей живешь, как Рэмбо, – day by day» : [интервью с писателем В. Пелевиным / записала Л. Новикова] [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2003. – № 157. – С. 14. – Режим доступа : <http://kommersant.ru/doc/408159>.
3. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов / И. П. Ильин. – М. : ИНИОН РАН – INTRADA, 2001. – 384 с.
4. Квадратура смысла : Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
5. Михайлов В. А. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества / В. А. Михайлова, С. В. Михайлов // Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 34–52.

6. Моль А. Социодинамика культуры / А. Моль; [пер с фр.; вступ. ст., ред. и прим. Б. В. Бирюкова, Р. Х. Зарипова и С. Н. Плотникова]. – [3-е изд.]. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 416 с.

7. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.19 / Н. С. Олизько. – Челябинск, 2009. – 343 с.

8. Пелевин В. т. [роман] / В. Пелевин. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 416 с.

9. Смит Н. Современные системы психологии: история, постулаты, практика / Н. Смит; [пер. с англ.; под общ. ред. А. А. Алексева]. – СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.

10. Степанов А. Ишь, навертел! [Электронный ресурс] / А. Степанов // Прочтение. – Режим доступа : <http://prochtienie.ru/index.php/docs/3367>.

11. Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. / Л. Филипс, М. В. Йоргенсен; [пер с англ.] – Х. : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. – 352 с.

12. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия : [учеб. пособ.] / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

УДК 801.73:028 – 051(045)

В. П. Мусиенко

Киевский национальный лингвистический университет

Фактор автора в герменевтическом процессе

Мусиенко В. П. Фактор автора у герменевтичному процесі. У статті обговорюється авторський чинник у процесі інтерпретації тексту. Визначено і продемонстровано на текстах найсуттєвіші координати для врахування авторської позиції щодо змісту висловлювання: експлікація авторської присутності, ступінь об'єктивності, оцінка.

Ключові слова: герменевтика, інтерпретація, авторська присутність, авторська об'єктивність, авторська оцінка.

Мусиенко В. П. Фактор автора в герменевтическом процессе. В статье обсуждается роль автора в процессе интерпретации текста. Определены и продемонстрированы на текстах важнейшие координаты для фиксации авторской позиции относительно содержания высказывания: экспликация авторского присутствия, степень объективности, оценка.

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, авторское присутствие, авторская объективность, авторская оценка.

Musienko V. The Author's Factor in the Hermeneutic Process. The article deals with author's factor in the process of the interpretation of the text.

Domination of the author's position is assessed through the prism of subjectivism and intentionalism. The dependence of the influence of the author's personality in the interpretation of the text on its type is noticed. Future prospects for a comparative study of the author's role in unfolding texts with a common subject of speech are outlined. The most important coordinates for fixing the author's position regarding to the content of the statement are determined and demonstrated on the texts: the nature of the presence, the degree of objectivity, the evaluation, the level of evidence.

Two types of author's presence are distinguished: explicit or implicit. The degree of author's objectivity is presented in the form of a scale: subjectivity, conventionality, objectivity, conditional objectivity (lack of markers), taking into account the interests pursued. The author's assessment of the subject of speech is characterized in the parameters well – normally – badly, the determination of its explication is indicated by the type of discourse. It is noted that the category of evidence of the author's position, the most significant in the scientific and political discourse, is on the border between the author's and reader's position: it is programmed by the author, but ultimately is in the power of the recipient.

Key words: hermeneutics, interpretation, author's presence, author's objectivity, author's score, proof of author's position.

Доминирование позиции автора в герменевтике можно квалифицировать как интенционализм, поскольку в данном случае ставится задача уяснить подлинные намерения автора. Философской основой для понимания текста как опредмеченной субъективности автора является идеализм. Э. Гуссерль афористично сформулировал роль субъекта в восприятии мира:

между сознанием и реальностью зияет пропасть смысла [6:11].

Авторский аспект не менее существенен, нежели предметный, что особенно актуально при восприятии текстов научных (принадлежность автора к определенной школе, например), политических (принадлежность к политической силе), религиозных, художественных и др.

Авторский замысел и цель очень важны в библеистике, начиная с ранней церкви и до наших